

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Решетников - Салтыков-Щедрин

Я познакомилась с Ф.М.Решетниковым почти в то же время, как и со Слепцовым. В первый раз я увидела Решетникова при следующих обстоятельствах: мне нужно было зайти в редакцию за моей книгой, которую накануне у меня взяли для какой-то справки. День был неприятный, да и было еще очень рано, чтобы кто-нибудь из посторонних мог находиться в редакции. Я вошла в комнату, взяла со стола книгу и, когда повернулась, чтобы уйти, заметила господина, сидящего в углу. Это был молодой человек небольшого роста в черном поношенном сюртуке, наглухо застегнутом. Он исподлобья взглянул на меня и мгновенно опустил глаза.

Я подивилась, что человек Некрасова не предупредил посетителя, что ему придется очень долго ждать редактора. Некрасов вставал поздно.

Выражение лица молодого человека было такое хмурое, что я не решилась предупредить его об этом и ушла из комнаты; встретив в передней лакея, я спросила его, почему он не предупредил посетителя, что ему придется ждать очень долго. Оказалось, что лакей предупреждал молодого посетителя, но тот ответил, что живет очень далеко и лучше подождет. Я приказала человеку подать посетителю газеты, а в двенадцать часов послала ему стакан кофе с хлебом.

Я поинтересовалась узнать от Некрасова о терпеливом посетителе.

- Из Перми приехал - ответил Некрасов, - принес свое произведение; я обещал ему дня через три просмотреть рукопись и дать ответ [219]. Пожалуйста, напомните мне завтра об этом. Видно по всему, что молодой человек, должно быть, в очень плохом денежном положении.

- Во всяком случае, если рукопись окажется плохой, то вы лично переговорите с ним. Как у приезжего, у него, может быть, нет никого знакомых в Петербурге.

Часто случалось, что Некрасов возвращал рукописи новичкам-авторам не лично сам.

- Конечно, переговорю с ним. Я проспал и спешу выехать, не успев хорошенько расспросить молодого человека, да и он сам не был расположен говорить, - сказал Некрасов и добавил: - вы бы хоть начало рукописи прочитали, стоит ли мне и приниматься за нее.

Я вечером же села читать рукопись под названием "Подлиповцы" и, не отрываясь, прочла ее всю. Я очень обрадовалась за молодого автора, так как не сомневалась, что он должен будет получить самый благоприятный ответ от Некрасова. Действительно, когда последний прочитал "Подлиповцев", то расхвалил их и при этом заметил мне:

- Вот опять поставят в укор "Современнику", что в нем печатаются произведения только одних семинаристов! Должно быть, сколько еще талантливых людей гибнет в этом сословии, если в короткое время из этой среды появилось столько писателей... Я пригласил Решетникова сегодня обедать; если он придет до моего возвращения, то примите его, а то, чего доброго, он убежит, да еще обидится. Он смотрит совершенным медвежонком.

Решетников пришел за час до обеда. Я старалась занять его разговором, но он отвечал мне только одними отрывистыми "да" и "нет", и выражение его лица было так сердито, что я сочла за лучшее оставить его в покое.

Наружность Решетникова не отличалась ни красотой, ни здоровьем. Он был небольшого роста, держался сутуловато, цвет лица у него был бледный, а черты неправильные, рот очень большой, движения угловатые.

К обеду пришло еще несколько человек гостей. Решетников, видимо, неловко чувствовал себя в незнакомом ему обществе; он ничего не говорил за обедом, но его живые глаза

перебегали от одного гостя на другого. К концу обеда хмурость его однако прошла, и он улыбался, слушая рассказ Некрасова, как его мальчиком с братом привезли в Ярославль готовиться к поступлению в гимназию и поселили на квартире с крепостным ментором, который обязан был присматривать за ними, чтобы они аккуратно ходили в класс к учителю, и готовить им обед. Но крепостному ментору, после деревни, представлялось столько соблазнов в Ярославле, что он, не желая возиться с стряпней, выдавал мальчикам на руки тридцать копеек, оставляя на их произвол продовольствовать себя. Мальчики очень были довольны своим ментором и в свою очередь нашли лучшим, вместо ученья, с утра отправляться на загородные прогулки, запасаясь хлебом и колбасой, и до вечера не являлись домой. Но привольная жизнь крепостного ментора и его питомцев продолжалась недолго. Раз, вернувшись вечером с прогулки, мальчики пришли в ужас: их встретил отец, до которого дошли слухи о их привольной жизни. У крепостного ментора обе скулы были сильно припухши, и он был отправлен в деревню, а к мальчикам был приставлен другой ментор, тоже крепостной, но более старый и строгий. Они очень скоро подметили, что этот строгий ментор, уложив их спать, позволял себе, после дневных трудов, выпить. Некрасов с братом вылезали из окна и отправлялись в трактир, где маркером был также крепостной их отца, отпущенный по оброку, и практиковались в игре на биллиарде, быстро приобретали большие познания в ней, но зато в науках успехи их были очень плохие.

Некрасов был в духе, и его рассказ был очень комичен, особенно в описании двух дворовых, которых отец возвел в степень менторов.

Решетников, по приглашению Некрасова, приходил обедать каждый день, скоро перестал дичиться и часто, после обеда, подолгу сидел у меня. Он рассказывал о своем печальном детстве и юности: как убежал из бурсы, как, служа при почтовой конторе почтальоном у своего дяди, крал газеты, чтобы удовлетворить жажду к чтению, как открыли его проделку, найдя в пустыре, которым был огорожен двор, кучу газет, куда забрасывал их юный чтец. Рассказывал про свое пребывание в монастыре, куда его отправили в наказание. Страшно было слушать его рассказы - чего только он ни переиспытал с раннего своего возраста! Удивительно, каким чудом могли в нем сохраниться его честный взгляд на жизнь, стремление к образованию, отзывчивость к ближнему и готовность помочь каждому, чем только он мог.

В биографии Решетникова, при издании его сочинений, вышедших уже после его смерти, между прочим сказано, что он иногда был очень резок и даже груб в обращении. Но я думаю, что Решетников, прожив несколько лет в Петербурге и вращаясь в интеллигентном обществе, должен был хоть немного отполироваться. Мне же пришлось его видеть тотчас, как он приехал из Перми, и по временам мне приходилось быть свидетельницей многих резких выходок с его стороны. Зная его воспитание, нельзя было сердиться на него. Решетников сознавал сам, что у него по временам появляется какое-то озлобление на всех, развившееся в нем вследствие жестокого с ним обращения. Когда он был мальчиком, то находил наслаждение сделать кому только мог какую-нибудь пакость: бросал в колодцы дохлых кошек, чтобы нельзя было брать воду, портил вещи в доме дяди.

- Потом я сам себе сделался противен за свою злость и стал сдерживать себя, - говорил Решетников.

Он насмешил меня, рассказывая, как злился на меня, когда в первый раз пришел обедать, а я старалась его занять разговором.

- Что, думаю, она пристаёт! Не видит, что ли, что я не хочу разговаривать с ней, - говорил Решетников.

Решетников рассказывал, что его поразила наружность Некрасова, когда он его увидал в первый раз.

- Я почти все стихотворения Некрасова наизусть знаю, я его себе представлял высоким мужчиной, с мужественной наружностью, с курчавой головой, - и вдруг вижу лысого, тщедушного, сгорбленного человека, с желтым лицом, говорящего сиплым голосом. Я и сам

был взволнован, ничего не мог путем сказать, а тут еще хорошенько не мог расслышать вопросов Некрасова. Я поскорей убежал, написал ему письмо, изложив то, что хотел ему лично сказать.

- Ваше письмо пришло тогда, когда уже Некрасов прочел половину "Подлиповцев", - сказала я.

- А я в это время места не находил, - продолжал Решетников. - Три дня для меня тянулись без конца. Зато, когда я уходил от Некрасова, так чуть на улице не пустился в пляс, что возвращаюсь от него без своей рукописи, да еще с двумястами рублей в кармане, которые Некрасов дал вперед. Такой суммы отродясь у меня не было в руках, я только на полдороге очнулся и осознал, что могу взять извозчика, что я теперь богач.

Решетников сообщил мне испытанные им ощущения, когда он увидел в печати первое свое произведение. Он послал какое-то известие из Перми в "Московские Ведомости".

- Не расставался я с этим номером, носил его в кармане, под подушку клал, как спать ложился, - говорил он.

Раз заговорил он о том, как мучительно ему хотелось пробраться в Москву и в Петербург, чтобы поступить в университет.

- Время не ушло, - заметила я, - можете и теперь поступить в университет вольнослушателем.

- А что я буду есть?

- Можете ходить на лекции и писать.

- За двумя зайцами погонишься, так ни одного не убьешь.

- Можете кредитоваться у Некрасова, пока будете слушать лекции.

- Это в кабалу себя запрятать? Ишь что придумали! Не хочу!

- А хуже будет кабала на всю жизнь, если вы будете чувствовать, что не пополнили своего образования?

- Некрасов также не был в университете!

- А спросите его, он наверно сожалеет об этом.

- Чего ему сожалеть теперь-то!.. Нет, кабы годика два тому назад мне попасть в университет, дело другое. А теперь поздно! уж надтреснут я, да и литература меня облапила, голова-то не тем занята. Ну, до лекций ли мне, когда иногда такое недовольство бывает самим собой, что ходишь шальным несколько дней? Не знаешь, чем бы вывести себя из этого скверного состояния - разве к водке прибегать.

- Ну уж, плохое это прибежище! - заметила я. Раз Решетников, увидав, что я читаю французскую книгу, сказал:

- В Перми мне пришла охота выучиться читать по-французски, два месяца учился, потом бросил.

- Учитесь теперь.

- Эва! - рассмеялся Решетников. Я ему сказала, что Белинский, приехав в Петербург, выучился французскому языку.

- А у него побольше вас было работы, - добавила я.

- Тоже, кого привели в пример! - сказал Решетников и продолжал: - Я, как приехал в Петербург, тотчас же пошел на его могилу, долго просидел там. Он и Добролюбов - это мои нравственные учителя, будут ими еще для нескольких поколений. Без них я так бы и погряз в омуте, в котором родился. Лермонтов, Пушкин - это лакомство, а Белинский и Добролюбов - насущный хлеб для нравственного развития, особенно таких людей, как я, которым чуть ли не со дня рождения выпадают на долю одни колотушки, попреки за каждый кусок хлеба, нещадное битье розгами при обучении грамоте, среди окружающего пьянства и невежества.

Мне раза два пришлось видеть Решетникова в ненормальном состоянии и выслушать от него резкие вещи. Раз он пришел к обеду, и я заметила, что он особенно развязен; войдя, он раздражил большую собаку, которая чуть его не укусила.

Некрасов обедал в клубе и, против обыкновения, случилось так, что никто не явился к обеду, и мы должны были сесть за стол вдвоем.

Решетников, закусывая, выпил несколько рюмок водки и, взяв графин с закускогого стола, поставил его у своего прибора и, указывая на бутылку с красным вином, сказал:

- Этой кислоты не хочу пить! Он выпил весь графин водки и, как бы поддразнивая меня, показал мне пустой графин, улыбаясь и говоря:

- Что, коробит вас? Вы ведь аристократка!

- Да видали ли вы когда-нибудь аристократов-то, что причисляете меня к ним? - спросила я. - Впрочем, напрасно я это говорю, вы сегодня...

- Пьян! - воскликнул Решетников со смехом. - Ну да, угадали! Я выпил с хорошими людьми. Вас это возмущает? А мне плевать на это, не воображаете ли, что я для вас брошу пить водку?

- Сами для себя должны бросить водку, - ответила я, - право, жалко смотреть на вас.

- Вам жалко на меня смотреть, а мне противно смотреть на такую аристократку, как вы! - задорно ответил Решетников, выскочил из-за стола и стал шагать по комнате, что-то ворча себе под нос.

- Напрасно вы стараетесь рассердить меня своими резкими выходками, вам это не удастся, - заметила я.

Решетников перестал ходить, постоял понуря голову, потом подошел ко мне, молча протянул руку, но отвернул свое лицо от меня.

Я подала ему руку, он ее пожал и быстро ушел из столовой.

Дня три он не являлся к обеду; я написала ему записку, спрашивая: здоров ли он?

Вечером в тот же день он явился, но с таким пасмурным лицом, что я спросила его, не болен ли он.

- Здоров!

- Почему же не приходили обедать?

- Не хотел! - так же отрывисто ответил Решетников и, помолчав немного, прибавил: - Если бы вы не прислали записку, я бы к вам и не пришел... Черт знает, какая хандра на меня напала, никого не хотел видеть, да и самому с собой было гадко оставаться.

- Самое лучшее лекарство от хандры это чтение.

- Какое тут к черту чтение, когда все нутро выворачивает от злобы.

- Надо подавлять в себе это скверное настроение.

- И без вас это знаю! - пробурчал он. Я переменяла разговор, и мало-помалу Решетников сделался не такой мрачный.

Я переехала на дачу в Парголово и по субботам посылала дрожжи за братьями Добролюбова, жившими у учителя [220]. Решетников также приезжал к нам, а в воскресенье вечером я их отправляла в город. Решетников резвился с братьями Добролюбова, как будто сам был мальчик: лазил на деревья, бегал вперегонку с ними. Мы все вместе делали продолжительные прогулки в лес, брали с собой завтрак, и раз Решетников сказал:

- Я ведь тоже жду субботы, как и мальчики, чтобы ехать на дачу к вам. В городе мне душно. Гляжу на детей, и мне противно вспомнить свое детство; как это вышибали у меня всякую память, колотя по башке! Могу сказать, что я испробовал всякого рода битие в своем детстве, а ласки ни одной. Кажется, если бы меня кто-нибудь приласкал, то я привязался бы всем своим детским сердцем к этому человеку... - И при этом Решетников прибавил, горько усмехнувшись: - Ишь размяк на чистом-то воздухе, о чем стал болтать!

В одну из суббот Решетников доставил мне большое беспокойство. Он приехал с братьями Добролюбова поутру; у меня всегда был готов для них завтрак. Я заметила, что Решетников уже изрядно закусил в городе; он сел за завтрак, стал наливать себе водку из графина и сказал:

- Эх, как мало водки в графине!

- Довольно с вас, будет, - сказала я.

- Не стоит и рта марасть, - проговорил он; однако допил всю водку и сказал мне: - Дайте еще водки.

- Больше нет.

- Жаль денег, что ли, послать за водкой?

- Не жаль денег; а больше не дам вам водки, - ответила я.

- Хотите командовать надо мной? Захочу пить водку - достану и без вас - пойду в трактир.

- Идите.

- Ну, так прощайте! - сказал Решетников, бросился в сад, перескочил через решетку и побежал бегом по дороге.

Мальчики улыбались, думая, что он шутит. Но Решетников не явился ни к обеду, ни ночевать. Мальчики поджидали его и долго не ложились спать, так как он всегда спал с ними в одной комнате.

Я была вполне уверена, что Решетников уехал в город. У трактира, особенно в субботний день, извозчики из города поджидали седоков, чтобы не возвращаться домой порожняком. В

воскресенье вечером, когда мне надо было отправлять в город мальчиков, неожиданно явился Решетников. Я боялась пустить его вместе с ними, потому что он мог дорогой надурить. Решетников настаивал, что поедет с мальчиками, а я наотрез ему сказала, что не хочу этого. Тогда он насказал мне разных грубостей и опять ушел играть на биллиарде в трактир, где он ночевал, как сам это мне объявил.

Я беспокоилась за него, чтобы он не попал в какую-нибудь историю, находясь в задорном настроении, и послала записку ему в трактир, чтобы он пришел сейчас же ко мне. Но он не явился.

На другой день, рано утром, только что я вышла на террасу пить кофе, как увидела Решетникова, сидящего на скамейке у калитки. Я подошла к нему и окликнула. Он встал и мрачно спросил меня:

- Ну, говорите скорей, сердитесь на меня - так я уйду.

- Входите, и будем пить кофе, - ответила я. Решетников пошел за мной на террасу, и когда я налила ему чашку кофе, то он произнес:

- Не смотрите на меня, я ночь провел в лесу, и должно быть, у меня отвратительный вид.

- Зачем же вы не пришли, когда я вам прислала записку?

- Нечего меня расспрашивать! - с досадой ответил он. - Простили, так не след и разговаривать, что было!

Решетников хотел ехать в город, но я его уговорила остаться до вечера.

- Что мне торчать-то у вас на глазах!

- Можете пойти в комнату и сидеть там, читайте, отдохните, а вечером поедете в город.

Решетников согласился и до обеда не выходил из комнаты. После обеда мы долго катались на лодке по озеру. Ему достали телегу ехать в город, и он, прощаясь со мной, пробурчал: ,

- Спасибо!

С этих пор мне более не приходилось видеть Решетникова в задорном состоянии. Он иногда не показывался по неделям, а когда являлся, то предупреждал меня не расспрашивать, почему он так долго не был.

Об уме Решетникова мне нечего говорить, - это видно по его произведениям. Могу только сказать, что он был добряк. Бывало, пойдет на даче гулять, забежит в лавку, набьет полные карманы своего широкого пальто пряниками и леденцами и, при встрече с крестьянскими детьми, раздаст им. Могу привести еще факт его участия к ближнему. Я знала, что Некрасов только что дал Решетникову вперед сто пятьдесят рублей, а он через два дня явился ко мне без часов.

- Верно, часы заложили? Стоило и покупать их! - заметила я в шутку.

- А вам что за дело? - сердито спросил Решетников.

- Куда вы успели столько денег истратить?

- Пропил! - произнес он. - Это что за допрос?

- Нет, я знаю, куда пошли ваши деньги. _ Ничего не знаете, так врите, - пробурчал Решетников.

- Не вру, могу даже сказать, кому вы отдали все ваши деньги...

Решетников в недоумении смотрел на меня, а я продолжала:

- Студенту, которого вы вчера проводили; он мне сам сказал.

- Вы его, и он вас в глаза не видали! - воскликнул Решетников. - Фу, ты! черт возьми, кто вам мог это сказать?

- Вы сами! - сказала я.

- Как я сам?

Я забавлялась моей мистификацией и потом объяснила Решетникову, что догадалась, что он отдал студенту все свои деньги.

Решетников более трех месяцев нанимал комнату у одной хозяйки и познакомился со студентом, тут же нанимающим комнату. Со студентом случилось несчастье: он получил известие от матери из провинции, что его отец скоропостижно умер; после смерти отца многочисленное семейство осталось без всяких средств к существованию. Студент, убитый горем, не мог даже ехать к матери. Все это Решетников сам рассказал мне, придя очень взволнованным ко мне, а получив деньги от Некрасова, он на другой день пришел веселый, проводив студента на железную дорогу.

- Вам бы хоть в сыскной полиции служить, так вы ловко умеете допытывать людей по одним вашим догадкам, - сказал Решетников.

Когда Решетников пообжился в Петербурге, то у него завелось большое знакомство и, понятно, я реже его видела, а затем, поссорившись у меня с одним литератором, он совсем не показывался около года. Я слышала, что он женился, и раз встретила его на улице. Решетников спросил меня:

- Небось, сердитесь на меня?

- За что? - недоумеваю спросила я.

- А что так давно не был у вас?

- За что же мне сердиться-то? не были, значит, не хотелось, - заметила я.

- Нет, не то, - сказал Решетников, - как-то неловко было мне идти к вам после того, как я так долго не был.

- Мы с вами не ссорились, да и я никогда не претендую на тех своих знакомых, кто долго не бывает.

- Чай слышали, что я женился? - спросил меня Решетников.

- Слышала.

- Что же не поздравляете?

- С чем поздравлять? не понимаю. Пусть сам себя поздравляет человек с женитьбой, - ответила я и добавила: - Да вы светским человеком сделались?

Решетников засмеялся и воскликнул:

- Во, что придумали!

Я торопилась домой и простилась с ним, но Решетников удержал меня, сказав:

- Дайте сказать вам два слова. Это ничего не значит, если я даже и десять лет не приду к вам, а я вас все-таки буду помнить.

На этом слове я рассталась с Решетниковым. Через несколько дней он зашел ко мне, но не застал дома. С тех пор я его не видала. Спустя несколько лет, после его смерти, я узнала, что он, умирая, вспомнил обо мне, и это мне передала его жена, которую я в первый раз увидела, когда она пришла ко мне по одному своему делу [221].

О М.Е.Салтыкове я пока ограничусь немногими словами.

Я видела его еще в мундире лицеиста в начале сороковых годов в доме М.А.Языкова. Он приходил к нему по утрам по праздникам. Юный Салтыков и тогда не отличался веселым выражением лица. Его большие серые глаза сурово смотрели на всех, и он всегда молчал. Помню только раз на лице молчаливого и сумрачного лицеиста улыбку. Он всегда садился не в той комнате, где сидели все гости, а помещался в другой, против дверей, и оттуда внимательно слушал разговоры.

Как теперь помню Белинского, расхаживающего по комнате, заложив, по обыкновению, руки в карманы и распекавшего А.С.Комарова, известного всему кружку хвастуна. У Комарова было плаксивое выражение в лице, так что смешно было на него смотреть. Панаев, Языков и еще двое не литераторов, но постоянных членов кружка, слушали его распеканье. Я сидела против двери, и мне было видно лицеиста.

- Господи, зачем я вру! - патетично воскликнул Комаров.

- Мамка вас в детстве зашибла! - заметил ему Белинский.

При этих словах на лице у лицеиста изобразилась улыбка.

- Чудеса, сегодня ваш мрачный лицеист улыбнулся, - сказала я Языкову.

- Я знаю, - отвечал Языков, - что он ходит ко мне, чтобы посмотреть на литераторов. Он сам стихи пишет, и их напечатали в "Библиотеке для Чтения". Кто знает! может, и будет со временем известным поэтом.

Потом я слышала от Языкова, что Салтыков окончил курс в лицее и продолжал писать стихи. Затем я не видела Салтыкова до 1847 или 1848 года.

Однажды я шла с Панаевым по Невскому, и мы встретили графа Канкрин, который был хорошо знаком с Панаевым. С Канкриным шел какой-то статский. Оба раскланялись с Панаевым.

- Кажется, это тот сумрачный лицеист, который бывал у Языкова? - спросила я Панаева.

- Да, это Салтыков, - ответил мне Панаев, - он теперь написал повесть, читал Канкрину, и тот в восторге от нее, пришлет ко мне прочесть, чтобы напечатать в "Современнике".

Канкрин сам привез Панаеву рукопись Салтыкова. Панаев прочел ее, но возвратил назад, потому что нечего было и думать, чтобы цензура пропустила ее, и сказал при мне Канкрину:

- Пусть лучше автор отдаст в другой журнал, там авось пропустят. А цензура в "Современнике" такую повесть не только запретит, но еще гвалт поднимет.

Но "Запутанное дело" (так называлась повесть Салтыкова) и без "Современника" произвело гвалт. Последствия оказались весьма печальны для Салтыкова: он сослан был в Вятку [222].

В 1858 году появились "Губернские очерки" под псевдонимом Щедрина [223], и с тех пор расположение читающей публики к произведениям Щедрина росло, как говорится в сказках, не по дням, а по часам.

Я увидела Салтыкова в редакции "Современника" уже в виц-мундире в начале шестидесятих годов; сумрачное выражение его лица еще более усилилось. Я заметила, что у него появилось нервное движение шеи, точно он желал высвободить ее от туго завязанного галстука. Кроме того, в нем произошла большая перемена - из молчаливого он сделался очень говорлив. Он всех смешил энергическими эпитетами, которыми награждал чиновничество, и говорил, что служить более не может, выходит в отставку и займется литературой; что отупеешь в среде людей, у которых вместо мозга в голове органчик с единым мотивом "Тебе Бога хвалим".

Я была свидетельницей однажды страшного раздражения Салтыкова против литературы. Не могу припомнить название его очерка или рассказа, запрещенного цензором. Это запрещение было очень неприятно и Некрасову, потому что нужно было дать набирать вновь что-нибудь другое, отчего номер журнала должен был очень запоздать.

Салтыков явился в редакцию в страшном раздражении и нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что можно поколеть с голоду: если писатель рассчитывает жить литературным трудом, то он не заработает на прокорм своей старой лошади, на которой приехал; что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислоухий камергер имеет власть не только исказить, но запретить печатать умственный труд литератора, что чиновничья служба имеет пред литературной хотя то преимущество, что человека не грабят, что он каждое утро отсидит известное число часов на службе и получает каждый месяц жалованье, а вот он теперь и свищи в кулак. Салтыков уверял, что он навсегда прощается с литературой, и набросился на Некрасова, который, усмехнувшись, заметил, что не верит этому.

Я никогда не видела Салтыкова спокойным; он всегда был раздражен на что-нибудь или на кого-нибудь.

Поразителен был контраст, когда Салтыков сидел за обедом вместе с Островским, который изображал само спокойствие, а Салтыков кипятился от нервного раздражения.

В 1863 году Салтыков приехал на короткое время в Петербург с места своей службы и почти каждый день приходил обедать к нам. К удивлению моему, он был не так сильно раздражен на все и на всех; но это настроение в нем скоро прошло, и он говорил, что надо скорей уехать из Петербурга, иначе он без штанов останется.

- Такая куча денег выходит, а удовольствия никакого нет.

- Ну, все-таки в Петербурге больше разнообразия, - сказал Некрасов.

- Хорошее разнообразие! - Куда ни пойдешь - видишь одни морды, на которые так и хочется харкнуть! Тупоумие, прилизанная мелочная подлость или раздраженная бычачья свирепость. Я даже обрадовался вчера, ужиная у Бореля, такое каторжное рыло сидело против меня, но все-таки видно, что мозги у него работают хотя на то, чтобы прирезать кого-нибудь и обокрасть.

- Разве не те же лица вы видите и в провинции? - возразил Некрасов.

- Нет, там жизнь превращает людей в вяленых судаков! - отвечал Салтыков.

Когда я впоследствии читала произведения Салтыкова, то часто встречала те самые выражения, которые слышала в его разговоре. Иудушкой он звал одного своего родственника и через несколько лет воспроизвел его в "Головлевых".

В начале 1870-х годов я видела Салтыкова играющим в карты у одних наших общих знакомых. Он точно так же болезненно был раздражителен, бросал карты и так бранил своего партнера, как будто тот совершил что-то ужасное.

Прерываю на некоторое время свои воспоминания и еще раз извиняюсь перед читателями за отсутствие в них хронологического порядка.